

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.4>

Бронская Людмила Игоревна, Серебряков Анатолий Алексеевич

РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ ГЕРМАНА САДУЛАЕВА

В настоящей статье впервые рассматривается проблематика евразийства в творчестве Г. У. Садулаева. Авторы, интерпретируя евразийский контекст в таких произведениях писателя, как "Пурга, или Миф о конце света", "AD", "Таблетка", "Прыжок волка. Очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней", доказывают, что идея евразийства доминирует в его социокультурной картине мира, поскольку лежит в основе национальной, то есть государственной российской идеи. С точки зрения Садулаева, "Россия-Евразия" как самобытная цивилизованная структура нуждается и в собственно художественной верификации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 19-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Доброзракова Г. А.** Лермонтовский код автопсихологической прозы С. Довлатова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 7 (69). С. 169-180.
8. **Доброзракова Г. А.** Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX-XX веков: дисс. ... д. филол. н. М., 2012. 425 с.
9. **Доброзракова Г. А.** Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова: дисс. ... к. филол. н. Самара, 2007. 187 с.
10. **Довлатов С. Д.** Зона: записки надзирателя // Довлатов С. Д. Собрание сочинений: в 4-х т. СПб.: Азбука, 1999. Т. 2. С. 7-166.
11. **Достоевский Ф. М.** Записки из мертвого дома [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/61/index.html> (дата обращения: 20.03.2019).
12. **Кларк К.** Души ГУЛАГа (С. Довлатов. Зона. Записки надзирателя) // Звезда. 1994. № 3. С. 202-204.
13. **Ронкин В.** Аналитичность идиостиля Сергея Довлатова // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Звезда, 1999. С. 291-301.
14. **Сорокина В. В.** Западноевропейская русистика в начале XXI века // Stephanos. 2017. № 6. С. 115-129.
15. **Чупринин С.** Другая проза // Литературная газета. 1989. 8 февраля.

INTERTEXTUAL SUBTEXT OF THE STORY "THE ZONE" BY S. DOVLATOV

Bogdanova Ol'ga Vladimirovna, Doctor in Philology, Professor
Vlasova Elizaveta Alekseevna
Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
olgabogdanova03@mail.ru; kealis@gmail.com

The article examines a text of the modern Russian literature – the story “The Zone” by S. Dovatov, which has repeatedly been a subject of analysis in literary criticism. However, the paper suggests a new perspective of studying – the intertextual subtext of the story, which, in the authors’ opinion, is focused on the creation of metatext, or super-text. The researchers show that Dovatov deliberately creates a special understanding of the story – not as “camp prose”, but as a super-text giving an idea not so much about the thematic acuteness of the events depicted (prison camp, prohibited zone), but about the place and role of these circumstances in the artist’s fate, in the process of image formation.

Key words and phrases: Russian modern literature; S. Dovatov; story “The Zone”; intertextual subtext; intertextuality; pretext.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 12.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.4>

В настоящей статье впервые рассматривается проблематика евразийства в творчестве Г. У. Садулаева. Авторы, интерпретируя евразийский контекст в таких произведениях писателя, как «Пурга, или Миф о конце света», “AD”, «Таблетка», «Прыжок волка. Очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней», доказывают, что идея евразийства доминирует в его социокультурной картине мира, поскольку лежит в основе национальной, то есть государственной российской идеи. С точки зрения Садулаева, «Россия-Евразия» как самобытная цивилизованная структура нуждается и в собственно художественной верификации.

Ключевые слова и фразы: евразийская идея; традиция; симфоническая личность; цивилизационная основа интеграции евразийского пространства; Г. У. Садулаев.

Бронская Людмила Игоревна, д. филол. н., профессор
Серебряков Анатолий Алексеевич, д. филол. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
libron@yandex.ru; aasereb@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ ГЕРМАНА САДУЛАЕВА

Для тех, кто следит за творчеством Германа Садулаева, подлинным откровением стала его книга «Прыжок волка. Очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней» [10]. Перед нами мысли автора, не закодированные в художественные образы, – это прямое публицистическое обращение к читателю-современнику. Интерес к книге вызван не только злободневностью проблематики, систематизацией довольно закрытого исторического материала, оригинальными авторскими наблюдениями, но тем обстоятельством, что «Прыжок волка...» завершает определенный (назовем его первым) этап в творческой жизни писателя. Действительно, в «Очерках...» мы находим те или иные идеи Садулаева, с которыми мы сталкивались в своего рода историософских отступлениях в художественной его прозе («Я – чеченец», «Пурга, или Миф о конце света», «Таблетка», “AD” и др.).

Несмотря на то, что Г. Садулаев довольно отчетливо артикулировал интерес к идеям евразийства, рассмотрение его творчества в евразийском контексте еще не стало предметом научного исследования. Вероятно,

причиной здесь может быть названа определенная непоследовательность в публицистических выступлениях (как устных, так и письменных) писателя: иногда он с большой заинтересованностью рассуждает о значимом для современников потенциале буддизма, иногда выступает как пропагандист евразийства, иногда подвергает сомнению целесообразность идти евразийским путем.

На наш взгляд, важным является то обстоятельство, что Г. У. Садулаев – российский писатель, сформированный двумя (если не тремя) этноментальными единствами. Речь идет о чеченском, южнорусском этносах и казачьем субэтнотипе (бабушки писателя и по отцовской, и по материнской стороне – гребенские казаки). Глубинное понимание ментальной жизни этносов на юге России делает произведения писателя документально точными; его мнение по поводу сложных обстоятельств этноментального диалога, безусловно, являются значимыми. Убеждение Садулаева в том, что евразийская концепция может решить многие довольно сложные повороты в межкультурном диалоге, доказательно.

Цель настоящей статьи – выявить ключевые идеологемы евразийства в творчестве Г. У. Садулаева, декларирующего свою приверженность к традициям Л. Н. Гумилева в ряде публицистических высказываний и выступлений, в том числе и в рамках евразийского проекта «Белая Индия».

Цель определила **задачи** настоящего исследования:

- проследить художественное воплощение взглядов евразийцев в творчестве Г. У. Садулаева;
- определить основной пафос евразийской концепции, позволивший писателю реализовать свою идею российского пространства как евразийского;
- интерпретировать ряд произведений писателя в контексте его евразийства.

И в «Очерках...», и в собственно художественной прозе писатель идеологически ориентирован на евразийские традиции, которые напрямую получил от Л. Н. Гумилева: поступивший в тогда еще Ленинградский университет на юридический факультет, будущий писатель, как и другие его сверстники, имел возможность ходить на открытые лекции известного ученого, о чем сам Садулаев иногда вспоминает в многочисленных своих интервью. Следует также отметить, что в более позднее время интерес к евразийской традиции весьма занимал писателя. Об этом свидетельствует, например, роман 2008 года «Пурга, или Миф о конце света». Об этом пишет современный критик Андрей Рудалев: «Свой вариант эсхатологии Герман Садулаев реализовал в романе “Пурга, или Миф о конце света”. Здесь он вывел одним из своих героев Дона Ахмеда – общего предка народа, праотца, оплота традиций и коренных устоев. В итоге Дон Ахмед погибает в неравной схватке с хтоническими чудовищами – китайской мафией, претендующей на главенство в новой истории» [6].

Дон рассказывает главному герою истории, складывающиеся в цельную историософскую концепцию, основной акцент в которой делается на взаимоотношения чеченского и русского народов. В течение трех вечеров Герой излагает собственную концепцию и просит рассказчика олитературить его историю, изложить его истории так, чтобы главные идеи представляли интерес для слушателя или читателя. Дон считает, что упоминание о взаимоотношении двух этносов в рамках единого социально-исторического процесса, в рамках услышанного мальчиком Лечи пророчества, которое озвучил древний старец в вековой пещере, является одним из краеугольных камней в прояснении миссии российского народа на мировой арене и роли чеченского этноса в этом процессе: «Россия – великая держава, у нее свой путь и особая историческая миссия на Земле. А у чеченцев своя миссия в России. Маленький, но пламенный чеченский народ должен спасти большую избу России, а Россия – спасет весь мир. Только я не понял, при чем тут лед» [11, с. 67].

Годом раньше Садулаев публикует фрагмент этого романа в журнале «Дружба народов» под названием «Учение Дона Ахмеда» [12], здесь уже обозначены основные векторы евразийства в понимании героя романа.

Следует заметить, что дополнение к родному имени Ахмед – Дон – происходит не от имени известного чикагского мафиози Дона Карлеоне (как может показаться на первый взгляд), а от имени любимого – тогда еще просто Ахмедом – литературного героя – Дон-Кихота. Эту книгу читала Ахмеду его жена, в то время как он в очередной раз ремонтировал свой грузовик.

В принципе, учение Дона Ахмеда вполне вписывается в современные геополитические концепции, одной из которых является евразийство. Рубеж XX и XXI веков актуализировал евразийскую идею. Ее последователи находили основание в ее возрождении в таких обстоятельствах, как своеобразие расположения российской цивилизации (не Запад и не Восток, или – напротив – и Запад и Восток), специфика культурно-исторического и общественно-политического развития, необходимость формирования новой национальной идеи. Г. У. Садулаев, вкладывая в уста героя романа «Пурга...» отчасти и свои довольно провокативные идеи, опирается на основные положения, изложенные в книге Л. Н. Гумилева «Этногенез и Биосфера Земли». Конечно, и у Гумилева были свои предшественники: например, идеи «географического» евразийства, изложенные в трудах П. Савицкого [7]. Так, Гумилев предполагал, что существование этноса зависит не столько от культурно-исторических факторов, сколько от природных, географических, климатических и т.д. В «Этногенезе и Биосфере Земли» Гумилев выдвигает две концепции – пассионарности и роли ландшафта в этногенезе [1].

В своем выступлении, сделанном на лектории «Гиперпространства Льва Гумилева» в рамках проекта «Белая Индия», Герман Садулаев дает собственное понимание концепции этногенеза, подчеркивая актуальность идеи пассионарности. Однако не ограничивается данной теорией, упоминая об учении Льва Гумилева, которое подчеркивает чрезвычайно большое значение тесного внутреннего взаимодействия территориальной привязки, ландшафта и особенности формирования этнокультурной специфики [13]. Подобная связь более глубока и менее сенсационна, чем пассионарность, но формирование имманентных связей, определяющих культуру и традицию народности, во многом обуславливается не только культурой этноса, но и произрастает из ландшафта.

Она его дополняет каким-то образом, и в культуре ландшафта отражается. Этнос и ландшафт образуют некую единую систему. И даже если этот этнос по каким-то причинам переселяется куда-то, он ищет ландшафт привычный для себя и для размещения себя и своей культуры и даже иногда воссоздаёт его [Там же]. В рамках единого территориального евразийского пространства некоторая общность со всеми связями и противоречиями, едиными и различающимися концептуальными пространствами все же представляет собой «полноценное “месторазвитие”, плодородную богатейшую почву этногенеза и культурогенеза» [2].

Г. У. Садулаев предполагает, что Российская империя и Советский Союз (как в определенной степени ее правопреемник) представляли собой воплощение идеи некоторого евразийского единства. Конечно, это воплощение было не в полной мере, а лишь отчасти. Однако писатель ставит в этой связи довольно сложный вопрос: был ли Советский Союз абсолютно идеологическим конструктом. Возможно в глубине как Российской империи, как СССР, как сегодняшней Российской Федерации существовал и наличествует ядерный компонент, определяемый в качестве базового этноса или группы территориально и исторически объединенных народностей. Речь идет о некоторой этноландшафтной культурной общности, представители которой могут даже говорить на разных языках, характеризоваться внешне различными традициями и обычаями, иметь разный внешний облик, однако обладать единой, разделенной глубинной концептосферой и, по сути, «очень схожи по образу жизни и пониманию мира» [13].

Убедительность доводов писателя обусловлена и тем обстоятельством, что его евразийские размышления вписываются в систему научных разработок современных исследователей неоевразийства, убедительно доказывающих правомерность идей основоположников этой геополитической концепции: Россия является весьма специфическим социально-культурным, историко-географическим феноменом, в полной мере не принадлежащим ни к Западной, ни к Восточной цивилизации, а благодаря вхождению в Европу и Азию, органичному сочетанию ядерных концептуальных принципов и того, и другого культурно-исторического типа, образует некий «мост между мирами», некую «срединную цивилизацию» [3].

По Садулаеву, культуры этих этносов связаны некоторым единым ландшафтом евразийских пространств. Если посмотреть на физическую карту либо бывшего Советского Союза, либо современной Российской Федерации, этот ландшафт ясно просматривается – это южные регионы России и Украины, а также северный Казахстан и Кыргызстан с их равнинными лесостепными территориями. В представлении Г. Садулаева, общность ландшафта евразийского пространства характеризуется прежде всего концептуальным топосом лесостепи, простирающимся от Монголии до Днестра, вмещающим Гумилёвский этнокультурный ландшафт, объединяющим различные народности и различные временные отрезки, в течение которых различные культурные сообщества «передавали друг другу скипетр на этом поле» [13], том самом Диком поле русских летописей. Хотя спор об авторстве этих летописных источников (приписывание их создания греческим монахам) позволяет избавиться от определений с негативной семантикой, развенчать стереотипное восприятие «ужасного», «варварского».

Герман Садулаев не историк, не этнограф, не философ. Он – писатель. Писатель, которого не могут не волновать вопросы исторического, этнографического или философского плана. Потому что о таких, как Герман Садулаев, писателях говорят, что они державники (к числу писателей-державников мы можем отнести довольно многочисленную группу художников, занимающих различные художественно-эстетические позиции, – З. Прилепин, В. Пелевин, А. Иванов, Э. Лимонов, В. Маканин и т.д.).

Поэтому к вопросам исторической или геополитической теории он относится вполне свободно, его художественное воображение находит некоторые закономерности, некоторые сцепления, там, где, на первый взгляд, сходства или тождества не увидеть. Отсюда отрицание, не первый взгляд, очевидного – Дикое поле на самом деле не дикое и не враждебное. И как пример приводит историю битвы на Калке.

Весьма интересен пассаж Садулаева, эксплицирующий главный вопрос о причинах битвы русских князей с «монголами»: неужели защита половецких и кыпчакских племен? Тех самых, которые веками грабили и разоряли земли южной Руси... Может быть, сражения с Диким полем понадобились для защиты этих «беспокойных соседей» – по сути «своих» в прототипической оппозиции «свой/чужой». «Ордынцы ведь и к русским землям-то не приблизились, а уж до Киева было совсем далеко. Ведь дружины русских княжеств сами вышли в поле и встали на защиту кыпчаков» [Там же].

С точки зрения Садулаева, русские князья пошли защищать половцев, потому что уже к началу XII века Древняя Русь и Великая Степь представляли некоторое единство. В это время городская культура и культура степная образовали «правильный» симбиоз, было оформлено единство, при котором города снабжают степь всем необходимым, степь же служит для городов защитной аурой. И как вывод (очень важный для Садулаева, подтверждающий его теорию): «Это не разные вещи. И это на самом деле была одна держава. Поэтому русские князья вышли за кыпчаков, а кыпчаки ходили за русских князей. К чему я это говорю. Существовала эта культура на вот этом пространстве и она являлась фактором, связывающим Европу и Азию. Каким образом? Стремительными набегами» [Там же].

Уже в романе «Пурга...» герой-рассказчик (тот, у кого Дон Ахмед заказал написать книгу) вспоминает о теории, которую приписывают австрийскому представителю социального дарвинизма Л. Гумпловичу, согласно которой сами государственные отношения на основе современного механизма принуждения (административного и судебного аппарата) формируются лишь в условиях «покорения», но никак не ассимиляции этноса субстрата другим, пришлым народом. Герой подчеркивает противостояние теории общественного договора Руссо данным концепциям, разделяемым не только Гумпловичем, но и Марксом и Энгельсом;

вот как он описывает этот факт прекращения «войны всех против всех» в своем романе, кроме того, автор указывает на одномоментность данного действия, как бы органично сочетая спонтанность и обдуманность данного действия: «...люди якобы собрались в один момент и решили прекратить “войну всех против всех”, установив законы и государство, для проведения законов в жизнь. Теории общественного договора придерживался, в частности, француз Жан Жак Руссо» [11, с. 154].

Однако Г. У. Садулаев в своем выступлении иронично замечает, что в Средние века не существовало других способов межкультурных контактов, кроме набегов. Возможно, иных способов не существует и теперь. Война предстает наиболее эффективным способом межэтнической коммуникации, а набеги – лучшим видом туризма. «Поэтому именно эта держава, которая тянулась от Днестра к Монголии, вот это поле, оно связывало воедино, оно создавало некое культурное евразийское единство» [13].

Думается, что принимать это садулаевское утверждение буквально, близко к тексту не совсем правильно. Безусловно, большую роль в толковании этого высказывания играет ирония (и как троп, и способ мировидения). И если писатель считает, что других способов межкультурных контактов, кроме набегов, не существовало и в Средние века, не существует и сейчас, то здесь звучит горькая ирония: уж сейчас могли бы найти и другие, более гуманные способы. Следует заметить, что поиски этих более гуманных способов мы обнаруживаем и в романе «Пурга...», и в выступлении на лекториуме, и в малой прозе рубежа 1990-х – первой половины 2000-х годов («Я – Чеченец!», «Бич Божий: партизанские рассказы», «Марш, марш правой! Нация. Родина. Социализм: статьи, эссе»).

Объединяющим евразийские народы в единый национальный монолит началом является конкретный ландшафт – лесостепь. Одним из наиболее распространенных и культурно нагруженных концептуальных топосов лесостепи, по мнению Г. Садулаева, выступают «священные рощи», глубинная этнокультурная характеристика которых соотносится не столько с ландшафтным, сколько с религиозно-культовым компонентом духовного пространства этносов, проживающих на данной территории.

Так, в рассказе «Бич Божий» герой, бич Колька, уходит из чеченского села, где прижился и нашел хотя бы отчасти умиротворение, уходит жить в соседний лес, строит там шалаш. Люди из села понимают, что Колька сделался отшельником («Скоро пошла слава о Кольке, что он ненормальный или святой»), как может, он проповедует слово Божье (так, как его сам понимает). Сельский Мулла, узрев отказ героя от мирского, решает обратиться к «истинную веру пророка Мухаммеда, слава и победа Ему». После долгих бесед на теологические темы у его скита возвращается он к себе весьма довольный фразой Кольки «Аллах велик, и каждый славит Его по-своему», но ни с чем ведь – «прыгать из веры в веру – значит уподобляться козлице или неразумной корове, которой все мнится, что трава на другой стороне дороги зеленее. Если человек не может достичь благодати в своей вере, то в том не писания и пророки виноваты, а грязное сердце и порочный ум» [8, с. 23]. К слову, этот вполне мирный межконфессиональный диалог вписывается в евразийскую концепцию Л. Н. Гумилева: для евразийства характерна вполне отчетливо артикулируемая терпимость к различного рода конфессиям. Подобная идея доминирует в диссертации Ю. Т. Чанчиковой «Трансформация евразийского проекта на рубеже XX-XXI веков» [15]. Терпимость важна в контексте межэтнических и межконфессиональных противоречий. Одним из важных мотивов ранней повести Г. Садулаева «Одна ласточка еще не делает весны» является мотив не-встречи: герои пытаются прийти к определенной, умиротворяющей всех концепции, но военные события постоянно мешают им прийти к окончательным выводам [9].

По сути дела, лес в рассказе – это скорее роща, роща в степи или в предгорных районах. О таких рощах Садулаев размышляет в своем выступлении. Обрядовые функции некоего убежища, укрытия от врагов и экспликации сакрального, вносящего в бытовую открытость аспект мистицизма, приобретает место, которое, выделяясь на открытом пространстве степи, все же принадлежит этому географическому и культурному ландшафту – это роща. Социальные и культовые компоненты жизни племенного сообщества переплетаются, и священная роща в степи превращается в «храм под открытым небом» [13].

Важным в понимании Г. У. Садулаевым евразийской концепции является его политическая ориентация. Начиная с 2010 года писатель становится членом КППРФ, в 2017 году участвует в выборах в ГД РФ. Его убежденность в продуктивности советского проекта отражена не только в его публицистических выступлениях, но и в собственно художественных произведениях. Это несколько не противоречит садулаевскому евразийству. Ведь советский проект, по Садулаеву, был вполне евразийским проектом. Так, в своем выступлении «Этнос и ландшафт» Герман Садулаев, продолжая размышлять о священных рощах, апеллирует к советскому опыту. Священные рощи в советском изводе – это парки культуры и отдыха. И советские, и древнерусские парки и рощи вписываются в общую концепцию культового сооружения, реализующего в материальном мире духовную жажду и извечную тягу к бессмертию – основную цель создания и насаждения любого культа. Именно преодоление «психологической травмы» от столкновения человека не просто разумного (обладающего развитым само- и общественным сознанием), но рефлексизирующего над своим бытием, с неизбежностью смертельного исхода и является доминантой в глубинном содержании этих своеобразных «мест силы» [Там же].

В советских парках, отмечает писатель, есть абсолютно сакральные места – это всевозможные аллеи славы. Героев помнят и чтут, героев можно увидеть либо на портретах-плакатах, либо на барельефах. По сути дела, это обожествление людей, отдавших жизнь во славу государства, поэтому портреты-плакаты и барельефы отражают идею бессмертия, герои всегда живут во славе. Г. Садулаев описывает мемориальные площадки вокруг вечного огня как «роскошные», рассматривая их как своеобразные арены, алтари для жертвоприношений. Связывая их в аллюзивном ряду с прецедентным названием «Парк советского периода!», автор

предлагает посмотреть на данный культурный феномен не как на артефакт советской эпохи, а как на сакральное, религиозное «место силы» [Там же].

Идеи евразийства находят свое отражение и в творчестве Г. У. Садулаева последних лет. Так, роман «Иван Ауслендер» – книга о духовных, философских, приземленно-прагматических, духовно-географических поисках героя. Но в целом следует заметить, что писатель активно пользуется теми возможностями диалога со своими многочисленными читателями, которые дают социальные сети. Обращаясь к тем, кто заинтересован в общении с ним как с писателем-современником, он через “Facebook” не только анонсирует собственные выступления на евразийских семинарах, но и дает возможность услышать или прочитать их фрагменты.

Герман Садулаев – приверженец традиционных евразийских концепций, в том виде, как их транслировал Л. Н. Гумилев. Л. Н. Гумилев и его предшественники утверждали детерминизм во взаимосвязи географического пространства и народов, населяющих это пространство. История народа (или этноса) определяется в том числе и особенностями ландшафта, почвы, флоры и фауны, климата и т.д. Л. Н. Гумилев предложил термин – «место-развитие», то есть взаимодействие с географической средой. Отсюда близость народов, населяющих Евразию, – тюркских, финно-угорских, славянских [2].

Г. У. Садулаев разделяет идею, высказанную Л. Н. Гумилевым в конце его жизни: «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство» [4].

На основе вышесказанного можно сделать **вывод** о том, что Г. Садулаев – писатель-государственник (наряду с В. С. Маканиным, Захаром Прилепиным, С. Шаргуновым, А. Ивановым, М. Тарковским и др.). Для него и его единомышленников важным является то обстоятельство, что евразийское учение возникло в связи с российской катастрофой начала XX века (речь идет и о разрушенной империи, и об исходе нескольких миллионов человек (русское зарубежье), и о последствиях как социально-политических, так культурно-творческих, которые порождены были революционными событиями (об этом, например, один из новых рассказов Садулаева «Александрия»)).

Для Германа Садулаева принципиально значимо, что евразийское учение не только объясняет геополитическое устройство тысячелетней страны, развернувшейся на огромном лесостепном пространстве, но и то, что оно дает возможность сформировать футурологический образ страны.

Само происхождение писателя заставляет его актуализировать одну из важнейших идей евразийства – исторические судьбы народов, составляющих государство, их менталитет и вклад в общую культуру [5, с. 3-4]. Для Садулаева важно понимание синтезирующего значения месторазвития в процессе этногенеза.

Список источников

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 642 с.
2. Дугин А. Г. Евразийство: от философии к политике [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2001. 30 мая. URL: http://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html (дата обращения: 17.01.2018).
3. Ищенко Е. Н. Развитие евразийской традиции в трудах Л. Н. Гумилева и современном евразийстве: автореф. дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 2004. 26 с.
4. Лавров С. Б. Лев Гумилев: судьба и идеи [Электронный ресурс]. URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3418_lavrov-lev_gumilev.php (дата обращения: 17.01.2018).
5. Пашенко В. Я. Идеология евразийства. М.: Изд-во МГУ, 2000. 448 с.
6. Рудалев А. Печати кары небесной // Литературная Россия. 2009. 13 февраля.
7. Савицкий П. Н. Евразийство // Основы евразийства / ред. А. Г. Дугин. М.: Арктогея центр, 2002. С. 266-281.
8. Садулаев Г. Бич Божий. Партизанские рассказы. М.: Ad Marginem Press, 2010. 288 с.
9. Садулаев Г. Одна ласточка еще не делает весны // Знамя. 2005. № 12. С. 1-85.
10. Садулаев Г. Прыжок волка. Очерки политической истории Чечни от Хазарского каганата до наших дней. М.: Альпина Нон-фикшн, 2016. 254 с.
11. Садулаев Г. Пурга, или Миф о конце света. М.: Вагриус, 2008. 240 с.
12. Садулаев Г. Учение Дона Ахмеда // Дружба народов. 2007. № 9. С. 1-29.
13. Садулаев Г. Этнос и ландшафт [Электронный ресурс]: выступление на лектории «Гиперпространства Льва Гумилёва» в рамках проекта «Белая Индия». URL: <http://www.gumilev-center.ru/ehtnos-i-landshaft/> (дата обращения: 23.01.2018).
14. Хачатурян В. Истоки и рождение евразийской идеи // Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2007. С. 289-301.
15. Чанчикова Ю. Т. Трансформация евразийского проекта на рубеже XX-XXI веков: автореф. дисс. ... к. филос. н. Красноярск, 2011. 19 с.

EURASIAN TRADITION DEVELOPMENT IN GERMAN SADULAEV'S PROSE

Bronskaya Lyudmila Igorevna, Doctor in Philology, Professor
Serebryakov Anatolii Alekseevich, Doctor in Philology, Associate Professor
North-Caucasus Federal University, Stavropol
libron@yandex.ru; aasereb@mail.ru

The article for the first time deals with the problems of Eurasianism in G. U. Sadulaev's works. The authors, interpreting the Eurasian context in such writer's works as “Snowstorm, or The Myth of the End of the World”, “AD”, “The Maya Pill”, “The Leap of the Wolf, or Essays on the History of Chechen Statehood”, prove that the idea of Eurasianism dominates in his sociocultural worldview, since it is the basis of the national, i.e. the state Russian idea. According to Sadulaev's point of view, “Russia-Eurasia” as an original civilised structure also needs artistic verification.

Key words and phrases: Eurasian idea; tradition; symphonic personality; civilised basis for Eurasian space integration; G. U. Sadulaev.